

НАД СКРИЖАЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МИФОЛОГИИ

Можем ли мы сами конструировать благоприятную реальность?

В защиту мифов

Арсений
Замостьянов

Революционные периоды XX века прошли под знаком «развенчания мифов». Само слово «миф», столь важное для человечества, превратили в позорное клеймо. Зачастую мотивом «атак на миф» был скепсис по отношению к народным сакральным сюжетам. И для петровской Российской империи, и для Советского Союза миф о «предках-героях» имел государствообразующее значение. Исторических деятелей наделяли сверхъестественными способностями, создавали обряды вокруг воспоминаний об их подвигах, вдохновлялись их образами. В знаменитой речи 7 ноября 1941 года Сталин сказал с трибуны Мавзолея буквально: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков!» Эти образы были важны для Красной армии и для всего народа, как образ Гильгамеша для древних шумеров. Мирча Элиаде пишет: «Миф рассказывает, каким образом реальность благодаря подвигам сверхъестественных существ достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только её фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное установление». Аналогичную задачу — не больше и не меньше — ставил М.В. Ломоносов, приступая к созданию литературного эпоса о Петре Великом. К тому времени общество уже уяснило великую роль культа «отца Отечества» для молодой России, которая удивляла Европу бурной пассионарностью. Доверчивое восприятие мифа окрыляло, придавало сил. Второй особенностью наших дедов была эклектика в сознании — и на неё тоже пошла войной в революционные девяностые. Впрочем, слово «эклектика», к сожалению, было ругательным и в более спокойные годы. А между тем, она более естественна для человека и порой не менее полезна, чем чёткая дисциплина стилевых постулатов. Взламывая сложившуюся веками систему мифов, новые идеологи попытались заменить её более актуальной мифологией. Но пересаженные деревья не прижились, да и пыл новых мифотворцев иссякал после первых успехов и первых неудач.

ИДЕАЛЫ ВМЕСТО ПУСТОТЫ

Стоит ли строить наше отношение к истории Отечества на паническом восприятии трагедий, на постоянных разоблачениях, которые, конечно, удобны в политической борьбе, но столь депрессивно сказываются на общественном сознании?.. Допускаю,

что те, кто представляет нашу историю в чёрном свете, имеют благородные намерения. Их задача — не допустить новых потрясений. Но получается наоборот: с оплётанными идеалами народ теряет мотивацию к самосовершенствованию. Верны эти идеалы или лживы — вопрос спорный, объективных критериев не имеющий. А вот их радикальное разоблачение наносит объективный, вполне осязаемый вред. Следствием того, что русский XX век в публицистике последних лет был представлен чередой кровавых преступлений, стала беспросветная апатия миллионов соотечественников. Логика очевидна: если всё настолько скверно, если наши отцы и деды жили в преступной стране, так и гори всё синим пламенем! Бесконечные разговоры о «геноциде» и «утраченном генофонде» мотивируют общество на деградацию: бессмысленно тянуться к просвещению, когда с «генофондом» такая беда: «Да, я веду себя, как скотина, ничего не поделаешь, уж извините: большевики весь генофонд загубили...» Мировая история не подтверждает эту логику: эпохи расцвета европейской культуры последовали за смертоносной эпидемией чумы, кровопролитными гражданскими войнами и, наконец, революционными войнами конца XVIII — начала XIX вв. С генофондом должна была случиться неоправданная беда: а вот поди ж ты, цивилизация блистала. Зато с середины XX века Европа стала относиться к своему генофонду весьма бережливо. И каков результат? Полная зависимость от США, в перспективе — от Китая и других азиатских стран, а сбережённый, в отличие от советского, генофонд предпочитает самовыражаться в гей-парадах. И ведь молодые люди восклицают из лучших побуждений: «А вот если бы не было революции, гражданской войны, репрессий, голода... какой бы генофонд у нас был! Какие благородные, добрые, замечательные люди здесь у нас бы жили... если даже сейчас такие встречаются, после такого долгого

геноцида всего лучшего, что было в русском народе.. а что было бы, если бы...». Неправильная это логика. Ни одному народу оранжерея не шла на пользу. И мы не должны чувствовать себя ущербными, обделёнными. Всё зависит только от нас самих.

Так и хочется сказать: кустарная генетика — последнее прибежище если не негодяя, то спекулянта идеями. Стоит ли увлекаться самонадеянным, необузданным правдолюбием? Куда мудрее нас была Е.Р. Дашкова, рассказавшая в воспоминаниях о своём споре с Дидро: «Однажды разговор коснулся рабства наших крестьян. — У меня душа не деспотична... вы можете мне верить. Я установила в моём орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограблений и притеснения мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы, следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов...». Спор на этом не завершился — Дидро почти требовал от Дашковой освобождения наших крестьян... Тогда Екатерина Романовна ответила мудрой притчей, обезоружившей французского просветителя. Эх, если бы эту притчу помнили все наши реформаторы позднейших времён! «Я много думала над этим, и мне представляется слепорождённый, которого поместили на вершину крутой скалы, окружённой со всех сторон глубокой пропастью; лишённый зрения, он не знал опасностей своего положения и беспечно ел, спал спокойно, слушал пенье птиц и иногда сам пел вместе с ними. Приходит злосчастный глазной врач и возвращает ему зрение, не имея, однако, возможности вывести его из ужасного положения. И вот наш бедняк прозрел, но он страшно несчастен: не спит, не ест и не поёт больше; его пугают окружающая пропасть и доселе неведомые ему волны; в конце концов он умирает в цвете лет от страха и отчаяния». Иногда и слепота бывает благотворной — но

нам, оправдывая советскую цивилизацию, не приходится прибегать к столь радикальным манёврам, достаточно обратиться к здравому смыслу. Ниспровергать, конечно, легче. Поймать фактуру зла и описать отрицательного героя проще, чем создать «третий том «Мёртвых душ», эпоха которого в России так и не настала.

Продолжается спор о народном характере и о темпераменте государства, о мифах и химерах. Сергей Темирбулатович Баймухаметов в статье «В нашем сознании уместается всё» тоскует по однозначности в восприятии истории, более того — по стилистической монотонности, чтобы и в идеологии, и в массовой культуре галстук чётко гармонировал с пиджаком, а оценки исторических деятелей — с раз и навсегда принятыми клише. Эклектика современности режет ему глаз. Это взгляд талантливого и разборчивого человека — с ним и поспорить интересно. Дело в том, что материя культуры однозначного восприятия не терпит. И Осип Мандельштам, написавший талантливый поэтический памфлет о Сталине, чуть позже создал куда более выразительные строки, в которых — уже не карикатура, но поразительное интуитивное осмысление противоречивой великой эпохи:

Если бы меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит, —
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, —
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен.
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеский тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом —
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земле очи,

И — в легионе братских очей сжатый —
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.

Здесь советская стихия представлена без полемической или панегирической канители, представлена в трагической сложности — как у Александра Блока и Андрея Платонова, как у Сергея Есенина и Михаила Шолохова, как у Николая Клюева и Михаила Булгакова. Всмотриваться в стихию чёрно-белым зрением — занятие унылое. Так унылы тома антисоветской литературы, напоминающие банальную атеистическую пропаганду Емельяна Ярославского.

Наша политкорректность

Поветрие политкорректности неузнаваемо изменило США. И хотя можно убедительно и репризно высмеивать перегибы этой идеологии, следует признать: диктатура сделала сверхдержаву сильнее, обезопасила её от распада, укрепила международный авторитет. Анализируя знакомые образцы американской массовой культуры последнего десятилетия, поражаешься: откуда взялась в свободной Америке сусловская система перестраховочных сдержек и противовесов? Где сильная личность, одинокий ковбой, конквистадор, Хэмфри Богарт? Новое американское кино деликатно относится к слабому и преклоняется перед коллективизмом, а общественное ставит куда выше личного. А когда к началу иракской военной кампании был выпущен агитационный видеоролик, в котором представители разных рас с пролетарскими улыбками предлагали иракскому товарищу присоединиться к уютному интернационалу цивилизованного мира, даже скептики вспомнили о советской фактуре. Солженицын в семидесятые призывал Америку к крестовому походу

против большевизма, но инстинкт самосохранения подсказал американской государственности менее затратный путь: СССР был побеждён без ядерной зимы, а американская стабильность упрочилась советским опытом.

Политкорректность необходима и нам. Прежде всего — деликатность по отношению к разным эпохам истории, к разным поколениям. Антисоветская пропаганда времён «холодной» войны выставила такую статистику репрессий, что, если всё посчитать в столбик, население СССР на 1953 год не превысит тогдашнее население Венгерской Народной Республики. Каждая невинная жертва — это трагедия, за которую государство после реабилитации берёт ответственность, но преувеличение количества жертв — это тоже не невинные игры. Цель ясна: внушить молодым людям, что **все** отцы и деды, работавшие и служившие при Сталине, — палачи, доносчики и вертухаи. При таком — многомиллионном — масштабе жертв всё общество является преступным. И уже можно требовать международных санкций против «империи зла», можно лишать стариков банковских накоплений, можно плевать им в душу: заслужили. И всё это начинается с прекраснотушных фальсификаций, с разговора о десятках миллионов жертв режима, который «хуже гитлеровского». И дети, выросшие на подобной трактовке собственной истории, легко идут на убийство, на предательство, на резню: их приучили к аморальности нашего бытия, к отсутствию авторитетов. Вот такие художества в интересах большинства и должны быть ограничены нашей политкорректностью, как расизм в Америке.

Советская цивилизация

Непримиримые враги Октавиан Август и Цицерон, Катулл и Цезарь — все остались в пространстве звёздных часов истории Рима, которая будет вдохновлять итальянцев и через три тысячи лет...

И как любой архитектор, художник, музыкант, юрист должны изучить латынь или итальянский, побывать в Риме, Милане и Венеции, так, через века, исследователи Космоса будут учить русский, посещать Москву, Гжатск и Калугу, отдавая долг великой эпохе, советской цивилизации. От этого не уйти.

Какой ресурс для исторического позитива! Рачительно ли разбрасываться им, замечая в отечественной истории XX века только чёрные страницы? Кроме того, советская цивилизация в сложнейших условиях мировых войн дала нашему народу гарантию выживания, гарантию сохранения самобытной и мощной культуры. Это ещё в дни петлюровщины понял герой Булгакова поручик Мышлаевский: «Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас». Любил эту пьесу Сталин — и, не считаясь с жертвами, сделал всё для воплощения мечты офицеров о новой «великой державе».

Как бы мы ни относились к деяниям Сталина, осмысление столь сложного исторического феномена требует настроя на объективность, на изучение противоположной стороны. Читаем: *«Образованный человек никогда не скажет, как однажды Сталин: «Эта штука посильнее «Фауста» Гёте»... Имя автора в таком контексте пристёгивают люди, только что узнавшие и прочитавшие»*. Во-первых, Сталин в книге Горького написал не «штука», а «штука», хотя и не без иронии: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гёте (любовь побеждает смерть)». А во-вторых — указание автора было необходимо: «Фаустов» в мировой литературе немало, а сын горийского сапожника имел в виду именно гётевского.

Государственность обладает чувством самосохранения, всегда приземляется на четыре лапы. Когда назревает угроза диктатуры или застойного плесневения — в моде вольнодумцы, тираноборцы, революционеры. Комфортно и, наверное, полезно было бороться со сталинизмом в эпоху, когда, как писал Джузеппе Боффа, «было достигнуто нормальное положение, и оно соткано из многих элементов: гордости за достигнутые результаты после мучительного напряжения прошедших десятилетий; законного желания воспользоваться их плодами, какими бы скромными они ни казались; понятной усталостью». Тогда, во времена маршалов Устинова и Огаркова, мы имели право и осудить Сталина за поражения 1941 года. Брежневскую тишь да гладь закономерно «взрывали» вспышками интеллигентского вольнодумства. Но стоит обществу почувствовать угрозу распада — и растёт популярность Сталина, жёсткого централизатора, который сегодня для русских людей куда важнее, чем герои семидесятых, свободолюбивые эйдельмановские декабристы. Попробуйте рассказать об ужасах ГУЛАГа тем, кто сегодня сидит в чеченских зинданах; тем, чьи родственники взорваны террористами; тем, кому сожгли дом или воткнули в спину напильник... В жёсткое время закономерна тоска по сильной руке государства, которая благодатнее опасной анархии. Замечаете в моих аргументах сервильную фетишизацию государства? Да, для меня это предпочтительнее, чем поклонение вечному реформатору и ниспровергателю миров Шиве-Разрушителю.

Вместо Нюрнберга

«Нюрнбергский процесс» над коммунизмом невозможен. Он бы состоялся, если бы зимой 1941 немцы взяли Москву и Ленинград. Специфика Нюрнберга в том, что он прошёл после военной капитуляции Германии, в иных

условиях такой суд и представить себе нельзя! Советские коммунисты проиграли войну «холодную», но ни капитуляции, ни оккупации не было. Поэтому и судебная перспектива была исчерпана процессом 1992 года, о котором радикальные критики коммунизма почему-то предпочитают не вспоминать... Комментируя тот процесс, судья В. Зорькин говорил о компромиссе, «который позволяет людям жить в согласии друг с другом». Дело закрыто, и те, которые подобно герою старой кинокомедии сегодня кричат: «Рано гонг дали!», ставят себя в смешное положение. О каком же ещё Нюрнберге может идти речь? Сергей Темирбулатович упоминает инициативу ишимских коммунистов, установивших памятник Сталину. Можно вспомнить и ещё несколько аналогичных прецедентов. Это — реакция на безудержную антисоветскую пропаганду последних 15 лет: перекормили. Сразу в трёх литературных телесериалах последнего времени случилось необоснованное появление героев-чекистов с повадками злодеев из комикса. «Есенин», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго». Авторы относятся к ним с такой однообразной прямолинейной ненавистью, что стало ясно: перед нами — штамп, о котором говорил С.В. Образцов: «Что в искусстве может быть опаснее штампа? Это ведь злокачественная опухоль. Рак. Надо удалять». Образы чекистов получаются карикатурнее, чем евреи и коммунисты в любимых фильмах Геббельса — «Юный гитлеровец Квекс» или «Возвращение домой, ГПУ». Вот капризный сынок чекиста жрёт ложкой икру из серебряного корыта и говорит чудовищные бестактности доктору Живаго («Папа, а мы его расстреляем?»). У Пастернака такого китча нет и не могло быть: он не работал ни на Геббельса, ни на современных российских медиамагнатов. Ненависть к коммунистам, а особенно — к чекистам, это зоологическое, фанатичное чувство почему-то никто не собираются

стреноживать. А ведь общество давно научилось окорачивать разрушительный радикализм — почему же мы культивируем агрессию антикоммунистической ненависти? Ни в советской литературе, ни в экранизациях такой необузданной ненависти к белым нет. «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Белая гвардия», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи», «Разгром», «Чапаев» — это был эпос, а не сведения счётов. Наверное, в отместку за давние подневольные политинформации про «гегемона» теперь принято ненавидеть пролетариат, простонародье, ненавидеть всеми силами монументального снобизма. Любой бедняк в этих фильмах смотрит зверем, он враждебен тонкой душе элитарного героя. С таким настроем можно экранизировать «Окаянные дни» или «Под серпом и молотом» Бунина, но Пастернак, право, обходился без этих ну очень «аристократических» рефлексов. А снобам никогда не проехать «на ранних поездах» со словами:

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,
И новости, и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всём разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведённые, взасос.
Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черёмуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

Не Нюрнберг нам нужен, не неистовое отрицание исторических эпох, а всенародное примирение, робкие прообразы которого проглядывают в некоторых политических инициативах последнего десятилетия — таких, как принятие гимна Александрова — Михалкова или перезахоронение Ивана Ильина и Антона Деникина на русской земле. А правдолюбы, выпячивающие из истории только самые кровавые, преступные эпизоды (их немало в судьбе каждого народа!), оставляют нам вместо благополучного, великого прошлого выжженную землю. Впадая в искус ниспровергательства, мы делаем дурную услугу и светлой памяти невинных жертв, нагнетая дух новых кровопролитных потрясений. Иногда и для историка молчание — золото. Иногда и для общества правда — хорошо, а счастье — лучше. Нужна ли современному Китаю правда и «правда» о Мао? Правда, от которой у народа опускаются руки, от которой будут плакать новые вдовы.

Спасибо Сергею Темирбулатовичу за напоминание об образных и точных формулах русской поэзии. Найдутся в ней и рецепты против ниспровергательства — у М.Ю. Лермонтова:

Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё Бог!

И у современника трёх революций
К.Д. Бальмонта:

Тише, тише совлекайте с древних
идолов одежды,
Слишком долго вы молились,
не забудьте прошлый свет.
У развенчанных великих,
как и прежде, горды вежды...

Пускай Сталин и Солженицын,
Ленин и Колчак, Косыгин и Егор Гайдар
спорят друг с другом своими книгами
и книгами тех, кто исследует их деяния.
Они останутся в народной памяти —

а в ней всё перемалывается. *«В нашем сознании умещается всё — и царь с Богородицей, и Ленин со Сталиным, и Стенька Разин с Пугачёвым...»* — и это отраднo, хотя список можно было бы составить и более контрастный. Если уж протестантская этика в Европах уживается с эстетикой гламура и апологией гей-культуры... Народная идеология не бывает однородно монолитной. Не нужно делать из собственной истории пугало, не нужно панически относиться к прошлому: проклятия не делают нас ни сильнее, ни мудрее.

Герой и дегероизаторы

Стоит рассмотреть один из самых влиятельных сюжетов поздней «перестройки» и раннего ельцинизма. Образ академика Сахарова был сконструирован как «Антиленин» — по лекалам мифа об Ильиче, но с противоположной идеологией. Любопытно, что лёгкая стычка Сахарова и Горбачёва на съезде народных депутатов СССР интерпретировалась как акт травли идеального героя грубой властью. А ведь самонадеянные реплики академика-депутата, которые транслировались по телевидению, оправдать можно только с помощью гипноза. А.Д. Сахаров не желал подчиняться регламенту: *«У меня мандат, превышающий полномочия данного съезда!»* У всех мандаты, а у него — миссия. Сотни депутатов, которых это высокомерие оскорбило, были зачислены в «серую массу» и «агрессивно-послушное большинство». Бал правило глумливо-непослушное меньшинство. Пороху у мифа хватило на полгода после громких похорон Сахарова. Культ не сложился, а его верховная жрица в 2003 году заявила: *«Сегодняшняя Россия, треть населения которой живёт в бедности, Россия, ведущая жестокую кровавую войну, в которой гибнут тысячи её солдат и десятки тысяч мирных граждан Чечни, — эта Россия не соответствует идее памятника Сахарову».*

Сахарова не читают, о нём чаще всего вспоминают, проезжая по переименованному Ново-Кировскому проспекту. А ведь его биография удачно вписывалась в каноны жития «политического святого». Незаурядная личность, талантливый физик, рано обнаруживший одарённость, участие в создании термоядерного оружия, три звезды Героя Социалистического Труда, бескорыстное фрондёрство истинного интеллигента, конфликт с властями (унижение ссылкой и домашним арестом)... Но очень скоро этот конфликт перерос в игру на стороне наших противников в «холодной» войне: он говорил о благотворности давления извне. Этот азбучный обзор деятельности несостоявшегося национального героя показывает, что мы должны уважать талантливого учёного, незаурядную личность, нобелевского лауреата, но не имеем права создавать из его противоречивых борений клише героического идеала.

Доверие к Соединённым Штатам и инициативам, идущим с Капиталийского холма или Уолл-стрит, с начала девяностых истончилось и растаяло. Россия доверяла Америке, попутно предавая проверенных союзников, самые верные из которых оказались в тюремных стенах... Оказалось, что дружба дружбой, а курс на укрепление военных баз вокруг России — отдельно. Вытеснение же российских военных баз из стран ближнего и дальнего зарубежья — ещё отдельнее. Прав был столь популярный у современных российских спичрайтеров Иван Ильин: *«...западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на «прутики», переломать эти прутки поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь своей цивилизации. Им надо расчленивать Россию, чтобы провести её через западное*

Журнал «Детская литература»: необходимость возрождения

Ольга Черноризкая

Вот уже два года не выходит журнал «Детская литература». Некогда он был весьма востребован и считался одним из лучших периодических изданий страны. Своим закрытием журнал обозначил границу целой эпохи. Эпохи, когда детская литература была одним из приоритетных направлений государственной политики. Журнал сплотил вокруг себя подвижников, чьими усилиями советская детская литература стала явлением в истории культуры. Любопытно, что закрытие журнала стало поводом для начала разговора о государственной политике по отношению к детской литературе, о необходимости госзаказа. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления в печати и обращения к чиновникам таких деятелей культуры, как С. Михалков и А. Лиханов. Но учредители журнала прекрасно понимают, что одно только возобновление издания ситуации не изменит. Пора изменить отношение к детской литературе в целом.

Сегодня библиотекарям, учителям, преподавателям вузов, студентам педвузов, наконец самим детям катастрофически не хватает серьёзного издания, посвящённого детским книгам. Издания, которое могло бы помочь интересно провести урок внеклассного чтения, составить с родителями и детьми план чтения на лето, предложить интересные приёмы работы над художественным текстом. А главное, рассматривающее детскую литературу и детское чтение как проблему государственного значения. Пока ещё не поздно, ведь мощный гигант — советская детская литература устаревает (не теряя при этом своей художественной значимости и ценности). Прерывается преемственность между поколениями детских писателей. Многие профессионалы уходят из этого жанра в коммерческую литературу.

уравнение и развязывание и тем погубить её». Стоило путинской России сделать дружественный шаг в сторону США, подержав контртеррористические операции Штатов после 11 сентября, и администрация Буша в одностороннем порядке выходит из Договора по противоракетной обороне, который три десятилетия определял отношения между сверхдержавами. А резолюция «О порабощённых народах», давным-давно принятая конгрессом США и утверждённая президентом Эйзенхауэром, в нужный момент отряхивается от нафталина и даёт толчок новым инициативам. А ведь эта резолюция, которую Хрущёв прямо назвал «конским навозом», предполагает отделение от России Татарстана, Урала, Поволжья и загадочной Козакии. Ежегодно третья неделя июля объявляется в США неделей порабощённых народов. После распада СССР возникло предложение включить в число порабощённых коммунизмом народов и русский народ, но такая поправка к декларации не прошла. И хорошо, что не прошла: единственной стратегической целью России на этом фронте должна быть полная отмена декларации. Да, истерический антиамериканизм приносит России только вред: его будут использовать как пугало, как аргумент для очередного притеснения «дикой, варварской России». Но нужно помнить, что великие державы уважают только силу и независимость и никогда не отступают с завоёванных позиций. Официальное обоснование выхода из договора по ПРО было логичным: этот документ времён «холодной» войны устарел, расстановка сил поменялась, противостояние закончено. Но почему же, когда речь идёт об усилении американского влияния в странах-соседях России, и пресса, и официальные лица всё чаще возвращаются к образам пресловутой «холодной» войны? Стоит вспомнить только вильнюсскую речь вице-президента Дика Чейни или серию параноидальных (другого слова не подберёшь!) публикаций в «The Washington Times» страстного публициста Цотне Бакурия. Полюбуемся на этого достойного преемника диссидентов 1970-х: «Я вырос при коммунизме, когда на горле моей страны лежала его жестокая и цепкая рука. Пить кока-колу было запрещено. За просмотр голливудских фильмов можно было угодить в сибирский ГУЛАГ на 12 лет. Читаете Александра Солженицына? Лучше на следующее утро сразу выпить мышьяка и покончить с этим побыстрее. Как-то мой одноклассник появился во дворе в новых кроссовках Nike. Вслед за тем он таинственно пропал из школы на три недели. Оказалось, что он целые дни проводил в местном полицейском участке, где его допрашивали, какие у его семьи связи в Америке, что ему присылают оттуда такие символы гнивающего Запада? Попытки журналистов. Убийства оппозиционеров. Я помню, как мы слушали «Голос Америки» в заплесневелом, промозглом подвале сквозь вой советских глушилок и боялись, что нас отправят за это в тюрьму. Ночью на улице останавливались чёрные машины; офицеры КГБ с «калашниковыми» наперевес, в чёрных кожаных пальто, хватали невинных людей

и вводили их в ночь». Любопытно, что Ц. Бакурия мы узнали как соратника президента Абхазии А. Абашидзе и соответственно противника «революции роз». Очень быстро молодой политик переквалифицировался в «грузинскую Новодворскую». В одной из первых вашингтонских громких статей он назвал «фюрером славян» президента Лукашенко. И невдомёк публицисту, что именно честный авторитаризм Лукашенко стал на постсоветском материке единственным образцом развития без обвальной коррупции и фашистских тенденций. Единственным! И в Грузии, и в России, и в других бывших республиках пылают средневековые страсти, звучат расистские лозунги и разворачиваются бюджеты, а режим Лукашенко отвечает потребностям простого гражданина независимо от происхождения, но он не желает мириться с американским империализмом, и потому «фюрер»... Кто же виноват в новом расцвете русофобии? Хочется ответить словами старой песни: ну, что сказать, мой старый друг? Мы в этом сами виноваты. Мы сами десять лет проклинали советское прошлое, и сегодня, когда идеологи взвалили на Россию ответственность за советские «преступления», нужно помнить, что мы сами пропагандировали мнимую преступность советского режима, превратив в героев борцов с прошлым, настоящим и будущим Родины — смутьянов с радио «Свобода», тех, кто ненавидел и ненавидит КГБ, но в восторге от ЦРУ.

Наибольший вред стабильному развитию России всегда оказывали собственные радикальные западники и радикальные националисты, составившие в 1970-е годы два крыла диссидентского движения (аналогичный расклад был и в нестабильные первые десятилетия XX века, перед и между революциями). Этим агрессивным меньшинствам не нравилась власть большинства, называвшаяся советской властью, не нравится им и современная путинская консолидация.

И те, и другие превращают Россию в мировое пугало, осознанно создают крайне непривлекательный образ страны — страны, которую не жалко разгромить во имя призрачных идеалов наших либералов и наших расистов. И те, и другие стремятся привлечь в свои ряды молодёжь, склонную к агрессивному самоутверждению. Двадцать лет назад глава КПСС и СССР М.С. Горбачёв, паниковавший от перенапряжения гонки вооружений и снижения цен на нефть, поддавался давлению радикалов. И до сих пор мы собираем осколки разбитой державы.

И власть, и школа, формирующая идеалы молодого поколения, сегодня должны проявить волю к самосохранению, стеной встать на пути радикалов.

Газетные пророчества

В конце девяностых годов России предрекали гибель под тяжестью долговых обязательств, «когда понизятся цены на энергоресурсы». Сегодня, вслед за президентом России, газетные пифии

Уходит старое поколение редакторов детской литературы, на смену которому приходит редактор-технолог, озабоченный главным образом тем, как выпустить книжку с «фишками» и «прибамбасами». А это совершенно иное редактирование. При этом огорчает и чрезвычайно низкий уровень молодых авторов детских книг, стихотворные забавы которых жидкуются на довольно элементарном наборе приёмов и рифм. Такое ощущение, что основы стихотворной грамотности у нас засекречены и овладеть ими автор не имеет возможности. Это происходит отчасти потому, что политику в этом вопросе долгое время диктовали издатели, которые качество произведения оценивают по единственному критерию: «продаётся — не продаётся». А книги современных талантливых детских авторов не продаются из-за отсутствия «бренда». Ведь настоящее детское литературоведение прекратило своё существование. Сменила его рекомендательная библиография. Разумеется, многие даже рады уходу со сцены детского литературоведения, поскольку оно не позволяет заказным статьям быть единственным информационным источником о книге.

Конечно, вызвать читательский интерес гораздо проще яркими эмоциональными оценочными суждениями, чем серьёзным разговором о книге. Пока человек сидит с открытым ртом, ему в это время закачивают рекламную информацию. Такого рода фокусничество называть литературной критикой сложно, литературоведением — тем более. Литературная критика на наших глазах превращается в рекламу и становится институтом пропаганды.

Утрата детского литературоведения становится просто экзистенциальной проблемой: исчезновение школы трактовки произведений влечёт за собой утрату культуры детского чтения. Ведь для того чтобы понять, к примеру, Свифта, нужно знать, что такое памфлет и что такое фантастическая и приключенческая литература, понимать смысл и систему условностей этих жанров. Наше забытое детское литературоведение учило читать, а не потреблять. Требование включённости читателя в текст было абсолютным.

А современные дети только скользят по смыслам и образам. К сожалению, зачастую и школу волнуют поверхностные проблемы: почему дети не читают и чем привлечь к чтению. То есть опять вопрос сводится к потреблению... Называются страшные цифры — около 37% российских школьников не прочли ни одной художественной книги. Цифра, конечно, очень сомнительная (как же они в начальной школе из класса в класс переходили?), но впечатляющая.

Добавим толику оптимизма: для того чтобы дети читали художественные книги, вполне достаточно помочь современным авторам их написать и с пользой для себя и общества издать. Ведь чтобы дети читали, нужно чтобы взрослые для них писали. А чтобы написать то, что дети будут читать, нужно знать особенности мировосприятия нынешнего ребёнка, владеть мастерством построения сюжета, интриги. При этом важно быть ещё и воспитателем — вести диалог с ребёнком всерьёз, на равных о важнейших проблемах, касающихся общества, семьи, государства, вводя его в таинства художественного осмысления действительности.

Точка зрения на литературный процесс у рядового читателя сейчас крайне шаткая. Получается, что газеты и журналы рекламируют, восхваляют книжную продукцию, а авторитетные деятели культуры говорят о крайне низком уровне детской литературы. Провести же собственную аналитическую работу читателям очень сложно.

Выход из этого пока только один — возобновить выход журнала «Детская литература» и сплотить вокруг него писателей, издателей, журналистов, библиографов. А развитие детской литературы сделать одним из важнейших государственных проектов. «Детская литература» может положить конец прагматической рекомендательной библиографии, когда заказные статьи, написанные скучно и непрофессионально, являются единственным информационным источником о той или иной книге. Разумеется, для читателя гораздо важнее авторитетное писательское слово, живой взгляд на детскую литературу. ■

заговорили о демографическом кризисе. Особенно обидным для нас был вердикт учёного Дэвида Уолла, опубликовавшего статью в газете «Japan Times». Он пишет: *«Население России с каждым годом становится меньше на 700 тысяч человек. Женщины хотят оттуда уехать, детей продают за границу, а мужчины убивают себя алкоголем, наркотиками и сигаретами со всё большей — и всё более тревожной — скоростью. Многие русские, с которыми я общаюсь, говорят, что планируют уехать за границу и не возвращаться обратно. Они с гордостью говорят о том, как удалось «вырваться» их детям и как они обязательно сделают то же самое. Теперь понимаете, почему Путин говорил о распаде Советского Союза как о крупнейшей геополитической катастрофе 20-го века? Когда слушаешь его речь, поневоле представляешь себе петуха на куче навоза: он кукарекает, а навоз под ним тем временем медленно проседает»*. Больно читать эти строки, в которых правда перемешана со злорадным вымыслом, а попытка анализа — с субъективными впечатлениями. Но, увы, приходится признать, что со стороны, с «того берега» мы выглядим сегодня именно так. И хотя русофобским мотивам в евро-атлантической идеологии никак не меньше трёх веков, столь снисходительного презрения к прошлому, настоящему и будущему нашей страны мир не знал. Вот что бывает, когда страна, не находясь на подъёме, начинает выступать в не свойственном для себя амплуа, разрушая собственную систему и встраиваясь аутсайдером в систему чужую. Уолл прав: в современной России — кризис человечности. Представление о «положительном герое» разрушилось, и общество не стремится к идеалу, предпочитая деградацию и агрессивное потребительство. Но есть и надежда, что сработает инстинкт самосохранения народа — и государство будет поощрять лучшие порывы пытливого и коллективистского русского ума. А кризис человечности в современном мире присущ не только России. Просто иные явления трудно рассмотреть в непосредственной близости, в условиях постмодернистского комфорта. И многие худшие проявления современной российской жизни пришли к нам с Запада, на волне демократизации. Это и бытовая агрессивность, и неофашизм, и гримасы сексуальной революции, и организованная преступность, и эгоизм.

Улучшать жизнь с помощью мифов — занятие малополезное, а чаще всего — напрасное. Но неосторожное обращение с мифологией непременно станет причиной тяжёлой депрессии. Во многом климат современной России определяется самовнушённым кризисом. Но будем оптимистами: суицидальные сценарии будут отвергнуты, и мы вернёмся на магистральную дорогу. С появлением общедоступного радио, кино, телевидения, многотиражных СМИ, аудио- и видеоизданий,

сети Интернет — самой влиятельной силой в формировании мифа стала массовая культура. Это остро чувствовали и большевики (помните ленинско-луначарское — «Из всех искусств для нас важнейшим...»), и отцы американского отечества, привившие свою массовую культуру едва ли не всем частям света. Именно в XX веке, в пору исхода деревни, массовая культура заняла место устного фольклора. Знаменитая сцена взятия Зимнего, поставленная Эйзенштейном для фильма «Октябрь», миллионами людей разных поколений воспринималась как документальная. Этой сцене верили, как верили столетиями назад героическим былинам о богатырях или фантастическим рассказам о колдовской силе Суворова... Такой знаковый для нашего народа символ как Победа в Великой Отечественной, нынешние поколения воспринимают в основном по кинофильмам. Поэтому так тревожно, что в многочисленных телесериалах последнего времени преподносится малопочтенная и совсем не героическая версия войны. Современные сценаристы формируют такой образ Красной армии, что зрители всё чаще и чаще задают смердяковский вопрос: а стоило ли побеждать врага, которого мы не превосходили морально? Всех превзошёл пылкий журналист Минкин, внимательно читавший «Братьев Карамазовых»: «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? В 1945-м погибла не Германия. Погиб фашизм.

Аналогично: погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм.

Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А ещё лучше б — в 1941-м! Не потеряли бы мы свои то ли 22, то ли 30 миллионов людей. И это не считая послевоенных «бериевских» миллионов.

Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?». Отношения народа и власти сведены к одностороннему конфликту: власть руками чекистов маниакально издевается над людьми, а люди эту власть затаённо ненавидят. А ведь такой сценарий непременно аукнется и в нашей нынешней реальности! Стоит напомнить Минкину и его читателям, что история сложна и диалектична. Не раз случалось, что войны, в которых потери России были меньше, чем у противников, наша страна проигрывала (Крымская война, Японская, Афганская), а Великая Отечественная завершилась победой.

За последние 15 лет и в самых престижных аудиториях, и в СМИ, и на кухнях прошло немало дискуссий об отношении к советскому наследию. Поветрие огульной критики тех лет обнаружилось свою болезненную природу. Клеймить времена наших отцов и дедов — тяжёлая ошибка. Вспомним, что старую любовь нельзя забыть, мстительно перебирая в памяти её изъяны: победить её может только новое сильное чувство. Так и советская эпоха потеряет власть над нами, когда деяния новой России затмят свершения «сталинского века». **Научившись гордиться своей историей, мы сделаем и современную реальность благополучнее, преодолеем депрессию. Не в первый раз. НО**